

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ Б. ПАСКАЛЯ (к 380-летию со дня рождения Паскаля)

Прежде всего скажу о Паскале то, что многим известно: был он математиком, логиком, философом. Паскаль – родоначальник теории вероятностей, последователь декартовой дедуктивной системы, аксиоматического метода. Логика А. Арно и П. Николь опирались на исследования Паскаля, на его метод доказательства дедуктивных наук. Паскаль сформулировал, практически использовал метод полной математической индукции. Он писал о роли дефиниций, аксиом в процессе доказательства. Он вывел следующие правила: точное определение термина; в основании должна быть аксиома; стремление поставить определяющие элементы на место определяемых. В геометрии Паскаль стал славен своей «прямой», суть которой в следующем: его теорема утверждает, что во всяком шестиугольнике, вписанном в коническое сечение, будь то эллипс, гиперболою, парабола, точки пересечения трех пар противоположных сторон или их продолжений лежат *на одной прямой*. При этом шестиугольник может быть выпуклым или звездчатым. Прямая Паскаля связана с теоремой Бриансона. Частный случай прямой конического сечения, распадающегося на пару прямых, был известен в древние времена. В «Трактате об арифметическом треугольнике» Паскаль изложил свое открытие определенной зависимости, что сыграло существенную роль в дальнейшем развитии комбинаторики. Не случайно математические находки Паскаля привели ученых к наименованию единицы давления и механического напряжения *СИ* в честь Б. Паскаля и языка программирования – «паскаль». Некоторые считают, что Паскаль продолжил в науке дело Рене Декарта. О встрече 24-летнего Паскаля с Декартом в Париже оставила запись сестра Блеза. Рене Декарт отнесся с большим сочувствием к страданиям Паскаля, дал ему ряд «домашних рецептов» для укрепления здоровья. Декарт опробовал действие арифметической машины Блеза, наблюдал лабораторные опыты с вакуумом. Но с трудом мог беседовать Паскаль с уважаемым ученым.

Но кем же был Паскаль, как складывалась его судьба на земле? Это ли не самое важное, когда мы касаемся плодов творчества ученого мужа. Сердце бьется в нас волею Божьей. Сердце страдает. И я здесь осмысливаю страсть сердечную, как страдание. Сердце влекомо к Божеству совершенному, оно болеет удивительной любовью. И в ответ на это страстное любовное влечение Господь одаривает ищущего многими способностями. Так было с Блезом Паскалем. В 3-летнем возрасте Блез потерял 30-летнюю болезненную мать, Антуанетту Бегон. Остались трое детей – Жильберта, Блез и Жаклина. Отцу, дворянину, выбранному королевскому советнику Этьену было в ту пору 38 лет. Таково семейное

начало Блеза, рожденного в городе Клермоне во Франции 19 июня 1623 года.

Дал Господь дитя умное сердце. Постигал Блез науки и математику, как основание их – дома, под водительством отца. Образные математические модели легко укладывались в уме и давали оригинальные выводы уже в 16 лет: он написал смелую работу о конических сечениях. И «прямая Паскаля», о которой рассказано выше, вошла в список серьезных научных открытий. В молодости своей Блез увлекся строительством арифметической машины, и создал, пусть не первую в истории, но собственную модель счетной машины, прародительницы нынешних компьютеров. Не удивительно то, что глубинное погружение в математику и моделирование, в итоге привело ученого к перерождению, отходу от вещественного делания.

Сердечная страсть к исследованию мира всего через приступ телесной немощи может одарить ищущего религиозным обращением. И 30-летний Блез пережил мистическое озарение, он отрешился ото всего мирского и удалился в янсенистский монастырь Пор-Рояль. Вспыльчивый нрав болезненного Блеза сменился теперь покорностью. Он полностью утратил интерес к математике, чтобы целиком предаться верованию:

«Сердце чувствует Бога, а не разум».

Умирать суждено было Блезу крайне тяжело. Отдаленно его состояние напоминало страсти Господни. Все недуги слабого тела ждали середины августа 1662 года, чтобы выставить свой счет торжествующему силой духу, – как писали историки. И последними словами мыслителя были: *«Да не покинет меня Бог никогда!»*

Не нужно многих лет жизни на земле, чтобы постичь необходимое и более того – основное, Божье. К примеру, Лермонтову дано было 26 годов, чтобы дивной строкой он осмыслил свое рождение и существование:

«Одну молитву чудную

Твержу я наизусть...

И верится, и плачется,

И так легко, легко...»

Паскалю не понадобились академические лета и звания, чтобы усвоить посильное человеку во всей полноте.

Скончался Паскаль в 39 лет 19 августа 1662 года.

Тело немощно, дух велик. Зачем Господь испытывал сердце Блеза валом земных мучений, зачем терзал ум его неразрешимыми вопросами? На то воля и премудрость Божья. Он Один ведает: «зачем?». А нам открыто величие личности Блеза Паскаля, которому дано было стать в один ряд с деятелями Возрождения, включая Мишеля Монтеня. «Меня поразила малость сообщения, какую можно иметь с помощью абстрактных наук. И это внушило мне отвращение к математическим, физическим наукам. Я переключился на изучение человека, обнаружил, что абстрактные науки ему не присущи. Я надеялся, что найду много соуча-

стников в исследовании человека, ибо это истинное изучение, которое ему присуще. Я был обманут ожиданием. Их оказалось еще меньше, чем постигающих “геометрию”. Хотя – все, что превышает геометрию, превосходит и нас». Так писал Блез Паскаль.

Сонм «Мыслей», изложенных Блезом – самая несносная книга для мирского ума, ибо, отрекшись от мира, во зле лежащего, Блез смело растапывал все то, что ценно для торгующего и развлекающегося индивида. Он сбрасывал с полок роскошь и достоинства мира сего, к коим привязаны мы, втапывал в прах дорожный, грязь помойную. Но чтобы нас, далеких от страсти Божьей, от любви к Нему совершенному, хоть как-то утешить, Блез предлагал погрузиться в традиционное верование, которое разум не может не отвергнуть, но сердце может смиренно принять.

Должно быть, неумеренно жестко отнесся Блез к словам апостола Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир сей, в том нет любви Отчей» (1.Ин.2:15). И я пытаюсь хотя бы в какой-то форме обнаружить любовь Блеза к родителям, сестрам, дивному созданию иного пола, ближнему, роду людскому. О влечении к женщине он избегал даже говорить, Блез страшится сего таинственного действия. Он ощущает себя физически непригодным для подобных отношений, и все женское отстраняет от себя. Душа должна принадлежать Богу одному и влечься лишь к совершенству Его. Блез писал: «Чтобы до конца мне осознать суетность людскую, надо прояснить причины и следствия плотской любви. Причины ее – “неведомо что и откуда”, а следствия даже ужасны». Вся полнота сердечной страсти отдана Паскалем поиску сути вещей и явлений сначала в области механистического умствования, затем в расширении этой сферы до мистических, религиозных границ. Следует отдать должное упорному мыслителю, что он, возможно, первый поставил вопрос о пределах «научности» или опытного знания. За пределом исследования зримого, вещественного мира – открывается беспределие духовного опыта. Удивительно неприятие изобразительного искусства со стороны Б. Паскаля, словно бы он твердо стал на позицию защиты Божия требования: «Не делай себе кумира и никакого изображения(!)» Он не только писал о том, но и выполнял: «Живопись суетна и заслуживает проклятия за то, что вызывает восхищение сходством с оригиналом, отнюдь не заслуживающим восхищения». И можно продолжить это высказывание, основываясь на его же речениях: Здесь явный самообман – искусственное не в силах отразить живое, Божье. Мы себе внушаем, что изображение прекрасно, потому что при этом любимея именно собой и своими достоинствами. И я испытываю презрение к поклонникам искусства. Признавая неповторимость форм, окрасок, звучаний, открытых нашим чувствам Творцом, Блез явно обнаруживает данный ему определенно математический склад ума.

Как сказано в Евангелии, «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати». Так случилось и Блезу в 30 лет тяжело заболеть и – про-

цреть для истинного служения. Отныне он не выпускал из рук Евангелие, читал его постоянно. «Доводы сердца куда вернее доводов разума», – сделал он для себя вывод. И занялся решением религиозных проблем, волею судеб сблизившись с янсенистами. И выступил с энергичной критикой казуистики, насаждавшей иезуитами; оказалось, что и в католической церкви не утихает брань за власть. Блез включился в борьбу, погрузился в сферы нравственного богословия, где ловкие умы играли пределами греховности. Увы, истина оставалась сокрытой. Хотя и сказано Господом: «Отче! Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина».

Блезу случилось стать родоначальником иррационализма в философии. Его ищущее сердце не ограничивалось земным, он жаждало жить едино со Вселенной, и дышать ею, и осмысливать ее: я – «всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник. Не имеет смысла Вселенной ополчаться против него, чтобы уничтожить: достаточно пара, капли воды, чтобы убить его. Но если бы Вселенная меня уничтожила, я все же остался бы более достойным, чем то, что меня убивает, ибо я знаю(!), что умираю, тогда как о преимуществе, которое надо мной имеет Вселенная, она ничего не знает». Изучая человека, пытаясь проникнуть в болезненно переживающее события сердце, Блез обнаруживает образ, которому присущи «непостоянство, тоска, беспокойство», и Паскаль не устает повторять мысли о хрупкости и трагичности личности, но одновременно и об умственном достоинстве. Физических благ он в себе не находил. Болезнь на протяжении всей жизни столь изматывала его, что сыскать гармонию или согласие с собою, земным, он был не в силах. Блез не желал принять себя, осознавая свое телесное уродство, и ему никак не удавалось стать другом самому себе. Но Блез все же словом рисовал себя, свой неповторимый мир: «В пространстве Вселенная объемлет и поглощает меня, как точку; а в мысли – я объемлю ее». Погруженность Блеза в область собственных (человеческих) переживаний предвосхищает находки Серена Кьеркегора и Федора Достоевского, их особое осмысление христианской традиции.

Своим упорным напряжением ума Паскаль, даже отрешившийся от мира сего, удалившийся в монастырь, губил чувствительную плоть, ибо занят был не возвращением плодоносного сада, не добрым трудом под небом Божиим, а поиском полноты истины: как жить? чем жить? где должно мне жить? «Я не знаю, ни кто дал мне место в мире, ни что такое я сам. Я нахожусь в страшном неведении всего... Я вижу обнимающие меня пространства Вселенной, сам же прикован к небольшому уголку этого необъятного протяжения, не ведая, почему именно *здесь*, а не там мое настоящее место, почему данное мне краткое время назначено мне в этот, а не в другой период как всей предшествующей, так и всей последующей вечности».

Паскаль скончался от воспаления мозговой оболочки, как полагают врачи. Они обнаружили на внутренней стороне черепа два глубоких отпечатка, словно сделанных пальцами на воске, наполненных испорченной кровью. Хотя причиной могли быть и увядшие печень, желудок, кишечник. Как, зачем, для чего было постоянно страдать от сильных головных болей, испытывать телесную немощь? Почему именно Блезу Бог дал нести такой крест, его испытывать неудовлетворенностью всем и вся на земле? Страстное сердце желало рая, нежного общения, чудесной любви здесь, в земном саду. А оказалось привязанным к математическим знакам, физическим формулам, философскому слову. Записи обуревавших его ум проницаний в сокровения потустороннего Паскаль делал тайно и зашивал листы под подкладку камзола.

«Сердце – руководящее начало. Я убежден, что сердце искренне любит и Вездесущего, и так же искренне – себя; поэтому оно, в зависимости от минутной склонности, отдается нежным чувствам или, напротив того, охладевает то к одному, то к другому. Сердце помогает нам постичь начало начал. И тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца.

Те, кого Бог сподобил обрести веру по велению сердечного чувства, так счастливы, а их убеждения так непоколебимы. Только вера, идущая от сердца, возвышая человека над всем человеческим, обещает ему вечное спасение. Вера – дар Божий. В том и состоит вера: не умом, а сердцем чувствовать Бога».

Повторю один из основных выводов: последовательное непрерывное постижение математическими методами мира земного, данного Богом, отыскание его законов – необходимо приводит в своей полноте к открытию истинного Творца, как начала начал – и взор становится зрячим, и слух – слышащим. А до этого – плутание в густой темноте и хаотическом шуме.

«Как же еще бесконечно долгод путь мой от познания Бога до любви к Нему!» – однажды воскликнул Блез Паскаль.

Дума моя, наверное, проста и ясна. Я не питаю симпатии к Паскалю. Я жалею его. От кого получил он жизнь? От Бога и родителей. От кого заразился счетом вещей, оформлением событий, в которые ему дано было проникнуть? От мужей, прежде него болевших математическими идеалами. От Пифагора, которому открылись Небеса в их дивном гармоничном звучании. И, возможно, Пифагор заронил в античной науке идею бессмертной души, усвоив сие в общении с тибетскими жрецами. А не ошиблись ли они, жрецы, утвердив душу вечной, представив ее веществом иного мира, Божьего? Мол, дано ей наполнять плоть жизнью, одухотворять. Откуда и как действует такое дыхание, насыщенное программой определенного развития плотной частички? Всюду в мире – дух Божий, делающий тело «душею живою». И я ныне общаюсь с ду-

ной Паскаля, хотя о телесных действиях его остались лишь разрозненные воспоминания.

Был он? Да. А если бы не одного рода со мной, а камнем холодным? Мог бы что я сказать о нем через 370 лет после его рождения на земле? Увы, что вне рода людского, то – вне осознания внутренней жизни: даже лишь бабочки чужд нашему сердцу. Родилась, попорхала над цветами – и Бог с ней, с бабочкой! Меня заботит то, что созвучно с переживаниями моими. И мои думы – о душе человеческой. Верой сердечной я усваиваю и принимаю то, что она – вечна. Эта чувствующая ниточка веры вводит меня в тайное, непостижимое умом. Я доверяюсь интуитивному: не хочется признавать завершение, мрак, как не может сердце принять идею тьмы, холода, предшествовавших рождению. Я был – живой, обогретой телами отца и матери частичкой, наверное, до времени – разделенной, но обязательно был. И глазами будущих родителей – видел мир Божий, и свет проникал в мизерную плоть, которой должно было жить по воле Господа. Сотворенный Богом мир не имеет пустот, не знает смерти, но все в нем заполнено жизнью, которая Дыхание Его! Исходя из этой идеи – люблю данное Богом, радуюсь удивительному движению бабочки, встрече с ней.

Дума о живой и дышащей Вселенной, гармонично звучащей, с которой можно человеку общаться, как с Родиной, – была в Пифагоре, всегда присутствовала в доверчивых сердцах, и Паскаль выразил подобную мысль, и Уолт Уитмен в вольных стихах пел о том же:

«Я верю, что листик травы полевой не меньше поденщины звезд, И что древесная лягушка – шедевр, выше которого нет,

И что малейший сустав моих пальцев посрамляет всякую машину!»

«Побудь этот день и эту ночь со мною, и ты станешь источником всех на свете поэм,

Все блага земли и солнца станут твоими (миллионы солнц в запасе у нас!)

Тотчас возникли и простерлись вокруг меня покой и мудрость,

которые выше всех земных рассуждений и доводов,

И я знаю, что Божья рука есть обещание моей,

И я уверен, что Божий Дух есть брат моего духа».

(То звучали свежие грозы XIX столетия, и в них тоже слышался голос тибетских жрецов.)

Сколько язычества, пантеизма в этих перекатах слов, в них Бог и Его Вселенная – едино. Так и Паскаля привлекает мысль о Вселенной, как бесконечном Организме, и он осмеливается общаться с иным миром. Хотя – неожиданно его заявление: «Возможное вечное молчание бесконечных пространств ужасает меня(!)» Это ли не страх встречи с холодным, бесчувственным, мрачным космосом, страх личности, привыкшей непрерывно говорить (внутри себя, в сердце)? Не возлюбив Творца, не испытав к Нему страсти, чтобы себя самого заместить навсегда Госпо-

дом жизни – Блез Паскаль остается в объятиях смерти. Он познал Творца, как идею ума, ибо искал постоянно и усердно Источник, но этого познания мало, оно должно выместиться живой ниточкой веры, а она состоит из любви Божьей. Любовь – сонм всех совершенств, любовь родит мир зримый и незримый, но всюду – свет любви. И нет молчания, есть же дивная гармония Небес, о которой вещает язычник Пифагор. Это он заявил в античном мире о бессмертии души (*психе*), о метапсихозе в сочетании с «памятью предков» (духе, окутывающем нас в земной жизни), о родстве всех живых существ на земле, о требовании «очищения» от излишеств, *катарсиса*, как высшей нравственной цели. И достигается душой подобное очищение по Пифагору – через постижение музыкально-числовой структуры Вселенной, символически выражаемой в «тетрактиде» (четверице) – сумме первых 4-х чисел: $1+2+3+4=10$, содержащей основные музыкальные интервалы: октаву (12 полутонов), квинту (8 полутонов), кварту (6 полутонов).

Так что не прикоснуться Паскалю, вошедшему в мир иной – с «ужасом молчания бесконечных пространств». Увы, там, как ныне полагают, нет ни временного вещества, ни пространственного. Но – продвигается душа в равномерном полете вечно, исполненная мощью толчка, взятого усилием воли в период земного испытания. И нет временных границ, нет протяженности – только луч Божией любви, подобный Ангелу Его. И чудесное пение светлых Вестников.

Не устану повторять ту простую мысль, что всякая весть (внутренняя и внешняя), пережитая сердцем нашим, не исчезает, но полнит нервные оболочки его. Сосуд памяти внепространственен, ибо он – не от сего мира, и не имеет предела. Все, с чем мы на жизненном пути соприкоснулись – делается плодом нашего опыта, общения с данным. Накопленная сосудом от дня рождения, а, возможно, и прежде привнесенная, весть воспринимается человеком, как «я». Это «я» в сердечном единении с Творцом, всемогуществом любви Его – может явить состояние «личности», что значит – отражение Облика Божья. И в этом случае можно говорить, что человек возрос до образа Творца, подобия Небесному Отцу. Ошибка оценки человеком памяти состоит в том, что он считает нужным оживлять ее, возрождать прошлое, хранимое памятью, поднимать с помойки сор и внедрять в настоящий процесс. Возня с памятью, как сундуком сокровищ, – несчастье, недуг человеческого сознания, поражающий душу живую. Ибо уснувшее на ложе памяти, умершее – яд для происходящего здесь и сейчас. Оно не должно быть поднимаяемо волевым усилием, жадной поиграть с прошлым, пережитым, дабы похвалиться мнимым богатством «ума». Но человек «на зло всем врагам и самому себе» воспроизводит прошлый опыт, не зная о том, что все необходимое естественным способом перетекает в настоящее действие из багажа памяти. Только необходимое, и ни капли лишнего, сорного, ибо не должно быть места смерти в живом процессе. Сосуд сам хра-

нит *всю* информацию о внешних событиях, которые непосредственно и неосознанно коснулись индивида, информацию об отклике организма на воздействия любой формы. Но намеренно пробуждать память, вводить сор в сферу живого сознания и поведения – вредно, дурно. Сфера настоящего действия необходимо должна быть чиста, свободна, дабы на ней отражалось Божие, непрерывно истекающее из мира иного. И только в этом случае – душа живет, а не страдает от лавины болезненных отбросов, придавливающих ее к земле. Человек же привык в силу заражения от других несчастных хвалиться памятью, гордиться ею, ибо она в некоторой степени прославляет его. К примеру, чтобы выделиться в школах, готовящих индивида к торговым играм, он должен тренировать свою память: слушать и повторять, как попугай, прочитывать и рассказывать вобранное зрением, запоминать фразы, цитаты, формулы, правила, фабулы до дня экзамена у доски. И за точное повторение чьей бы то ни было глупости ученик получает высокую оценку. Он заразился мелодией, ритмом, верно передал их – пропел, привесив к этому пошному плоду жертвенный кусок живых сил, которые от Бога – и прославился, и принял аплодисменты, цветы, похвалы. Таков экзамен. А другой индивид – слышит сердцем голос Небес, гармонии Вселенной, ее дивную музыку, которую повторить не дано человекам. Пьет от Божьего источника чистую воду, текущую из вечности в вечность – и никакой-то ему людской славы. Всем существом своим он славит Создателя мира, Бога своего. «Ищи же прежде всего Царства Божия и правды Его, а все необходимое для жизни приложится тебе». Опираясь же на сундук памяти, точнее, на гроб ушедших событий – мы принимаем друг от друга славу мирскую. «Как же можешь ты веровать в Господа, в Котором Одном истина, когда от завистника принимаешь земную славу, а славы, которая от единого Бога, не ищешь?» Если все наши ценности связаны только с земными событиями, которые были и совершаются, то можно и нужно опираться на ту бесконечную помойку лжи, которую хранят помойки литературные, шумовые, вещественные (музейные).

И нужно сплетать преступления прежних поколений с нынешними, вводить их в привычные формы обмана, и этими ядовитыми кушаньями и питьями пичкать души, сердца, умы, чувства, тела. Но, быть может, мир, данный нам – несколько просторнее, и проникает даже в иной, внепространственный и вечный, и мы способны копать не только в грязи собственных ощущений, восприятий, миражей, на свалках прошлого и настоящего, но и *жить* по-истине, свободно, доверяясь Слову, которое мир сотворило и творит донныне? Всякому открыт мир иной, всякому дано чувствовать красоту, что от Царства Небесного, а не обманываться поддельной, вторичной красотой скульптур, картин, концертов, строений людских. Для этого необходима тишь внутри сердца, чистота внутреннего сосуда, куда вмещается весть Ангельская, нужно доверие невидимому, как будто бы неслышному, но всемогущему – Голо-

су любви Господней. И нам вредно лепиться к следам собственным, хвалиться ими, вернее же – не оставлять на земле никаких следов. И в памяти людской не оставлять следов о себе, ибо упоминаются следы по степени отличия их от других, по прочности, преступности следов или плодов. А зачем мне славить плоды моей жизнедеятельности, в которых отличное качество суть мое уродство (неумеренность, немощь, недуги). И не нужна память обо мне ни мне самому, ни другим, ни там более Богу, создавшему меня. Итак, я не желаю, чтобы некто размышлял обо мне, отыскивал отличительные формы моего бытия на земле, делал ложные выводы, выносил торговые оценки моим поступкам, высказываниям. Я введен в мир сей из тишины бесконечного прошлого, незримого мира, рожден посредством неповторимых отца и матери, и мне надлежит быть уведенным по воле Божьей, определившей срок испытания кошмаром земного общения с людьми, в покой, тишину, свет иной.

Вывод: никаких следов, никакой памяти не оставлять о себе; ни имени, ни плодов, одаривающих ложной славой; не возвращаться в кладовые памяти в период земного существования, жить данным, пребывать всецело в настоящем процессе; все необходимое для совершающегося действия само приходит из былого опыта и проникает в событие; живой личный опыт обретается через физический труд, активное движение, затем только возникает несмыаемый отпечаток в сундуке прошедших событий. Искусственное же, увиденное, прочтенное, услышанное – глубокого следа не оставляет, ибо чужое, и может уйти бесследно. Так наше внешнее, учебниковое познание есть патология, и душу не питает благом, только – гордыню самолюбования. Блез Паскаль проникся верой в неземное, вечное. И то многое, что было просчитано, отмерено, изучено утратило привлекательность, ибо временное, здешнее. Он же ощутил ростки будущего, дивного мира в сердце своем, и устремился к нему. Даже представительницы прекрасного пола уже не казались ему чудом Божьим на земле, ибо видел ангелов светлых восходящих к Господу и нисходящих к нему, как добрых вестников. Силы небесные привлекали его более, нежели те силы, что даются знанием математики, логики, философии. В 30 лет в нем совершилось рождение заново, и сей мир с его страстями и деланиями перестал существовать как высокая ценность, так как приоткрылось внеценное Царство. И тогда рациональное отступило, место его заняло иррациональное, мистическое. Едва ли кто вполне знает Блеза Паскаля, математика, логика, в этой удивительной роли. Но она сделалась основанием его жизни.

Литература:

Паскаль Б. Мысли. М., 1974.

Паскаль Б. Письма к провинциалу. Симферополь: «Реноме», 1998.

Математический энциклопедический словарь. М., 1988.

Философская энциклопедия. М., 1967.